

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	5
<i>Часть первая. Девушка с золотыми глазами</i>	9
Глава 1.....	11
Глава 2.....	25
Глава 3.....	37
Глава 4.....	45
Глава 5.....	54
Глава 6.....	61
<i>Часть вторая. Жил-был полицейский</i>	71
Глава 1.....	73
Глава 2.....	82
Глава 3.....	91
Глава 4.....	100
Глава 5.....	107
Глава 6.....	116
Глава 7.....	124
Глава 8.....	131
<i>Часть третья. Принц воров</i>	141
Глава 1.....	143
Глава 2.....	151
Глава 3.....	165
Глава 4.....	174
Глава 5.....	181
Глава 6.....	191
Глава 7.....	200
<i>Часть четвертая. Шкатулка с секретом</i>	211
Глава 1.....	213
Глава 2.....	223
Глава 3.....	230
Глава 4.....	242
Глава 5.....	253
Глава 6.....	263
Глава 7.....	271
Глава 8.....	282
<i>Часть пятая. Сокровище Элерона</i>	295
Глава 1.....	297
Глава 2.....	307
Глава 3.....	318
Глава 4.....	332
Глава 5.....	341
Глава 6.....	352
Глава 7.....	362
Глава 8.....	375
Эпилог.....	381

Он бежал. Перепрыгивая через две ступеньки, он слетел с лестницы. Входная дверь была заперта, но Франсуа было нелегко смутить подобными мелочами. Вскочив на подоконник, он локтем выбил стекло и, кое-как выбравшись наружу, спрыгнул в сад.

— Держи его!

Мимо — бледные силуэты томных статуй, мимо — почти черные в сумерках деревья, похожие на застывших драконов. Откуда-то издалека донесся лай собак, и Франсуа похолодел.

— Держи его, Этьен! Он бежит к ограде!

Но Франсуа уже сидел на ней верхом и, перекинув вторую ногу, скользнул на улицу, на которой в этот поздний час не было никого.

— Держи, держи, уйдет!

Сердце колотится как бешеное, в висках молотом стучит кровь, дыхание со свистом вырывается изо рта. В голове — только одна мысль: бежать! бежать! бежать!

— Держи-и-и!

К воплям возмущенной прислуги присоединяется полицейский свисток, который заливается соловьиной

трелью. На перекрестке ему отвечает другой. Ах, что за невезение!

Франсуа выскочил на перекресток, боднул полицейского, который пытался его остановить, и что есть духу понесся дальше.

— Стой! Стой, мерзавец!

Еще один полицейский, на ходу доставая пистолет, кинулся наперерез Франсуа. Но тот легко увернулся и, чтобы отвязаться от преследователей, нырнул в узкую темную улочку, освещенную одним-единственным газовым фонарем. Сзади доносился топот чьих-то ног, и этот топот с каждым мгновением становился все ближе.

Куда теперь, Франсуа?

Кот, почти неразличимый во мраке, с возмущенным воплем брызнул из-под ног бегущего. Франсуа чертыхнулся, споткнувшись, но уже в следующее мгновение поднялся и побежал дальше. Он задыхался и держался рукой за бок, в котором отчаянно кололо. Впереди ухнула во тьму улица, казавшаяся бесконечной, а справа смутно белела стена какого-то особняка. Это был изящный, пожалуй, даже аристократический дом, стоявший здесь не один век, и Франсуа, мгновенно приняв решение, бросился к нему. Нащупав в кармане связку отмычек, он с облегчением перевел дух.

Замок поддался почти сразу, и, когда преследователи наконец поравнялись с особняком, Франсуа уже незаметно проскользнул внутрь. Мысленно он воздал Богу хвалу за то, что дверь затворилась без всякого скрипа.

«Еще какое-то время они будут прочесывать улицы, а когда поймут, что я ускользнул, им ничего не останется, кроме как вернуться несолоно хлебавши. Во всяком случае, им в голову не придет искать меня здесь».

Франсуа немного расслабился. Вытерев пот со лба, он стал осматривать убранство особняка. Все предметы

находились на своих местах, но у висящих на стенах портретов был кислый вид, и Франсуа поневоле заключил, что в этом красивом доме давно живут чужие люди.

«Если, конечно, здесь вообще кто-то живет — ведь сейчас лето, и многие предпочитают это время проводить на водах или на юге... — Тут ему в голову пришла другая мысль. — Интересно, а нельзя ли тут чем-нибудь поживиться? Конечно, это не такой богатый дом, как у герцогини де Лотреамон, но все-таки... Прислуги нигде не видать, и вообще, грех отказываться от того, что само плывет тебе в руки».

Успокоив себя этим рассуждением, он осторожно зажег лампу и двинулся вверх по огромной лестнице, отделанной розоватым мрамором. По пути Франсуа настороженно прислушивался, не раздастся ли в недрах дома какой-нибудь подозрительный шум, свидетельствующий о том, что здесь находятся другие люди. Однако он не мог различить ничего, кроме потрескивания масла в лампе да писка мышей где-то за стеной.

«Похоже, что и впрямь никого... Однако и везет же мне!»

Приободрившись, он принялся обследовать комнаты. В первых трех не обнаружилось ничего, достойного его внимания, зато в четвертой он сразу же заприметил на комодике старинную фарфоровую вазу, а на столе — красивый золотой медальон.

Франсуа положил на стол увесистый сверток, который он все время держал в левой руке, поставил лампу и осторожно открыл медальон. Внутри оказалось изображение младенца — голубоглазого, пухлощекого, с вьющимися белокурыми волосиками. Франсуа с умилением посмотрел на него, мысленно прикинул про себя стоимость медальона и умилился еще больше. Захлопнув медальон, он уже собирался сунуть его себе в карман, когда случайно заметил на плитках пола, сбоку

от себя, какую-то тень, которой за секунду до этого там не было. Готовый ко всему, Франсуа резко обернулся — и слова замерли у него на губах.

Перед ним, заложив руки за спину, стояла прехорошенькая молодая особа лет двадцати, не более. Ее белокурые волосы были распущены по плечам, а карие глаза, в которых нет-нет да вспыхивали золотистые искры, с любопытством смотрели на ночного гостя. Если мы добавим, что на особе не было ровным счетом ничего, кроме расшитой ночной сорочки, то станет ясно, отчего Франсуа потерял дар речи.

— Здравствуйте, сударь, — нежно проворковала она. Франсуа побледнел и сглотнул слюну.

— А... Э... Здравствуйте, сударыня, — промямлил он.

В сущности, ему следовало не говорить, а действовать. Потому что в следующее мгновение воздушное видение извлекло из-за спины правую руку, и оказалось, что оно держит в ней ту самую увесистую вазу, которая до этого мирно стояла на комодe.

Должно быть, в Париже внезапно произошло землетрясение. Весьма возможно также, что на Европу ни с того ни с сего обрушился гигантский ураган, или какой-нибудь не в меру игривой комете пришла в голову мысль лягнуть нашу многострадальную Землю, после чего та сошла со своей орбиты и город Париж съехал к Северному полюсу.

По крайней мере, у Франсуа не было других объяснений тому странному факту, что потолок вдруг обвалился на него, а стены накренились и заплясали в каком-то диком танце.

Последнее, что он помнил, было склонившееся над ним лицо чаровницы и золотистые огонечки в ее глазах, после чего Франсуа окончательно провалился в блаженное небытие.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕВУШКА
С ЗОЛОТЫМИ
ГЛАЗАМИ

ГЛАВА 1

— Ваше превосходительство, к вам госпожа баронесса Корф.
Глава российской секретной службы Багратионов поднял голову от письма, которое читал, и с любопытством поглядел на слугу.

— Уже? Хорошо, проси.

Большие старинные часы пробили три раза и начали играть старинную мелодию, когда баронесса Амалия Корф вошла в кабинет.

«Однако она пунктуальна», — с невольным уважением подумал Багратионов. Он отложил письмо в сторону и поднялся из-за стола.

Генерал Багратионов заступил на должность начальника особой службы всего два года тому назад, сразу же после трагической гибели императора Александра Освободителя. С баронессой Корф, которую тогда звали Амалией Тамариной, ему еще не приходилось сталкиваться, потому что примерно в то же время, после блестяще выполненной миссии, Амалия покинула особое ведомство и вышла замуж, сделав весьма удачную партию. Однако весной 1883 года обстоятельства, по видимому, переменились, потому что баронесса подала прошение о зачислении ее обратно на службу, — и это

несмотря на то, что у нее имелись муж и маленький ребенок. Все это весьма интриговало генерала.

«Либо она отчаянная авантюристка, либо неумная взбалмошная особа», — решил Петр Петрович, узнав о прошении.

Однако за прошением последовало еще одно послание, и оно было подписано таким высоким лицом, с мнением которого Багратионов никак не мог не считаться. Именно поэтому он и назначил сегодня баронессе встречу в три часа пополудни.

Петр Петрович поцеловал даме ручку, рассыпаясь в галантных комплиментах, а сам тем временем не переставал ломать себе голову, что же из себя представляет эта загадочная баронесса Корф. Для авантюристки у нее были слишком усталые глаза, а для взбалмошной особы — слишком безмятежное лицо. Поняв, что ему никак не удастся подыскать для нее подходящее определение, он решил начать с самого начала.

«Молодая. Лет двадцати? Да, пожалуй, что так. Красивая. Очень красивая, — поправил он себя. — Белокурые волосы, черные брови — скорее всего, полячка или отчасти полячка... Рот с четко очерченными уголочками, наводящими на мысль о решительности. Глаза карие, обыкновенные...»

Тут в обыкновенных глазах полыхнули совершенно необыкновенные искорки, и Багратионов, что с ним случалось нечасто, смешался. Он понял, что собеседница догадалась, что он пытается ее раскусить, и занимается тем же самым в отношении его самого.

«Багратионов Петр Петрович, генерал. Еще не старый — ему около сорока пяти, наверное. Очень любезен, манеры располагающие, лицо добродушное, даже, может быть, простоватое, но это впечатление наверняка обманчиво. Интересно, что он обо мне думает?»

«По-моему, она умнее, чем кажется, — решил Петр Петрович. — Значит, с ней можно будет иметь дело».

И он запорхал вокруг Амалии мотыльком, пододвигая ей самое удобное кресло, справляясь, не душно ли ей, а то он может приказать отворить окно. Но Амалия ненавидела сквозняки — сказывалась семейная предрасположенность к чахотке.

— Благодарю вас, ваше превосходительство, мне хорошо и так.

Багратионов вернулся за свой стол и сел. На глаза ему попались последние строчки письма, которое он читал до прихода баронессы, и он по старой привычке человека, имеющего дело со всякого рода секретами, перевернул страницу текстом вниз.

— Должен сказать, баронесса, — промолвил он, и его маленькие глазки превратились в совсем узенькие щелочки, — мы весьма наслышаны о вас*. Как вы добыли ту картину — это просто потрясающе!

Амалия покраснела от удовольствия.

— Мне просто повезло, — сказала она.

— Право же, баронесса, вы чересчур скромны, — заметил Багратионов, испытующе глядя на нее. — Конечно, хорошо, когда в деле присутствует удача, но ведь на самом деле она — награда за упорство и неустанный труд. Разве не так?

— Пожалуй, я соглашусь с вашим превосходительством, — помедлив, проговорила Амалия.

— Мне казалось, что удача сопутствовала вам всегда, — невозмутимо продолжал Петр Петрович, еще зорче наблюдая за баронессой, чем обычно. — Я знаю, что люди уважают вас и восхищаются вами. Вы вышли замуж за прекрасного человека, у вас замечательная семья...

* Читайте об этом в книге В. Вербиной «В поисках Леонардо».

«Он меня испытывает», — мелькнуло в голове у Амалии.

Она холодно сощурилась, не переставая улыбаться несколько искусственной улыбкой, которая так мало шла к ее прелестному тонкому лицу.

— У меня была замечательная семья, — более чем сдержанно промолвила она. — А сейчас я подала на развод.

Багратионов сделал вид, что крайне удивлен.

— Но почему, Амалия Константиновна? Насколько я знаю, ваш муж в вас души не чает. Когда он женился на вас, я помню, там была крайне романтическая история, и... он сделал это ради большой любви. В свете вам тогда очень завидовали. Иные девушки отдали бы все, чтобы только оказаться на вашем месте!

— У меня нет никаких претензий к барону Корфу, — отозвалась Амалия, и по ее ледяному тону тотчас стало ясно, что претензий на самом деле накопилось слишком много. — Он очень хороший человек. Просто мы не можем жить вместе. Такое бывает, ваше превосходительство, и гораздо чаще, чем обычно думают.

Багратионов нервно кашлянул. Даже глава секретной службы в некоторых ситуациях остается просто человеком, и сейчас ему было чисто по-человечески любопытно, что же такое произошло между бароном и баронессой, что она так скоропалительно решила на развод. Может быть, он изменял ей? Грубо с ней обращался, злоупотреблял спиртным, проматывал ее состояние? Но у барышни Тамариной до свадьбы никакого состояния не водилось, а что до всего остального, то Багратионов не слышал, чтобы Александр Корф пил, третировал свою жену или обманывал ее, — между тем как в свете подобные вещи утаить практически невозможно.

«Ах, женщины, женщины! — мелькнуло в голове у генерала. — То самые лучшие из них соглашаются

жить с полным ничтожеством и даже возносят его на пьедестал — то им даже такого, как Корф, мало. Кто их разберет!»

— Насколько мне известно, развод — весьма и весьма хлопотное дело, — заметил Багратионов.

И вновь в карих глазах сверкнули золотистые искры.

— Его императорское величество обещал мне свое содействие в этом хлопотном деле, — небрежно, будто речь шла о каком-то пустяке, уронила Амалия. — Но взамен я должна оказать ему одну услугу. Какую — вам должно быть известно лучше меня.

Багратионов покосился на лежащее перед ним письмо. Даже не видя текста, он знал, что оно подписано императором.

— Да, его императорское величество выразил пожелание, чтобы эта миссия была поручена именно вам, — подтвердил он. — Насколько я могу предположить, государь не сказал вам, в чем состоит сущность вашего... гм... поручения.

— Я только знаю, что это нечто весьма конфиденциальное, — спокойно заметила Амалия.

Багратионов кашлянул и пригладил седеющие виски.

— Да, пожалуй, что так. — Он поднялся с кресла, подошел к входной двери, проверил, не стоит ли за нею кто, тщательно прикрыл ее и вернулся на свое место. — Вам что-нибудь говорит фамилия Мещерские?

— Вы имеете в виду князей Мещерских? — подняла брови Амалия. — Разумеется, мне неоднократно доводилось слышать о них.

Багратионов метнул на нее быстрый взгляд.

— А о княжне Марии Мещерской вы что-нибудь... слышали? — как бы между прочим осведомился он.

Амалия нахмурилась. Она начала понимать. Княжна Мария Элимовна Мещерская была юношеской любо-

вью правящего императора. В пятнадцать лет она осталась круглой сиротой, и ее воспитывала бабушка, постоянно жившая во Франции. Пленительная, с гибким станом и чарующими глазами, княжна Мария вскружила голову молодому Александру, который беззаветно полюбил ее. В ту пору он не являлся наследником престола, потому что его старший брат Николай был еще жив, и мог мечтать о личном счастье. Но, как только Николай скончался от туберкулеза, все в одночасье переменялось. Александр стал преемником своего отца, однако вместе с местом брата он унаследовал и его невесту, принцессу Дагмару Датскую, на которой должен был жениться, несмотря ни на что. Тщетно молодой Александр настаивал, умолял, хотел отречься от престола — все уже было решено. Состоялся тяжелый разговор с отцом, во время которого обычно сдержанный царь будто бы даже влепил сыну пощечину. На упряма было оказано невиданное давление, и, в конце концов, ему пришлось смириться. Он навсегда простился с любимой и женился на Дагмаре, а через некоторое время вышла замуж и княжна Мещерская. Казалось, что жизнь мало-помалу берет свое, но на самом деле это была не жизнь, а смерть. Менее чем через год после свадьбы девушка, которую обожал наследник, скончалась от родильной горячки. Ей было всего двадцать четыре года.

— Мне кажется, я знаю, кого ваше превосходительство имеет в виду, — медленно проговорила Амалия. — Но ведь она умерла... Много лет назад.

— О да, — вздохнул Багратионов. — Все люди тленны, баронесса... Но не слова. Слова, знаете ли, бывают иногда удивительно живучи... особенно если их писала императорская рука.

И он со значением поглядел на Амалию.

— Значит, письма, которые государь писал княжне, сохранились? — тихо спросила Амалия.

Багратионов подался вперед.

— Не совсем так, Амалия Константиновна. Когда они расстались с княжной... по обоюдному, так сказать, согласию... они вернули друг другу письма. К несчастью, — генерал дернул щекой, — к большому нашему несчастью, одна из гувернанток в доме Мещерских... мадемуазель Перпиньон... сумела добраться до переписки и завладела некоторыми письмами его величества. В то время, в том состоянии, в каком его величество находился... он не заметил пропажи, когда княжна вернула ему его послания.

— А дальше? — спросила Амалия быстро.

Багратионов улыбнулся.

— Дальше, Амалия Константиновна, было то же, что всегда бывает в подобных случаях. Мадемуазель Перпиньон вернулась во Францию, какое-то время она продолжала жить своим трудом, но наступил день, когда ей понадобились деньги, и тогда она отправилась к некоему месье де Монталамберу, который и купил у нее эти письма.

— А этот месье де Монталамбер... — начала Амалия.

— Его полное имя Андре Изидор Шарль Луи Филипп де Монталамбер, — мягко продолжал Багратионов. — Он граф, но его титул не мешает ему заниматься разными делами, весьма предосудительными с точки зрения закона.

— Он шантажист?

— Ну, в общем, да, — легко подтвердил Петр Петрович. — Но при всем при том весьма уважаемый человек.

— Не сомневаюсь в этом, — процедила Амалия. — Сколько он запросил за письма его величества?

Багратионов зачем-то оглянулся через левое плечо, затем через правое, стряхнул пот со лба, покосился на

портрет императора, висящий на противоположной стене, и только после этого назвал цену.

— Однако! — воскликнула изумленная Амалия, откидываясь на спинку кресла.

— Да, я тоже, помнится, сказал нечто подобное, — заметил Багратионов. — Теперь вы понимаете наши затруднения, баронесса. Ибо нельзя доверять такую сумму кому попало. Деньги, особенно большие, обладают свойством вводить людей в соблазн, а тут замешаны очень и очень большие деньги.

Прежде чем произнести следующие слова, Амалия немного помедлила.

— А нельзя ли обойтись без выкупа вообще?

— То есть? — вскинул брови собеседник.

— Насколько мне известно, в делах такого рода редко имеет место честный обмен, — пояснила Амалия. — Потому что каждый безнаказанный шантаж побуждает к тому, чтобы его повторили. Что мешает этому месье де Монталамберу снять с писем копии и попытаться продать их по сходной цене — или дать нам понять, что он собирается продать их?

Багратионов задумчиво качнулся в кресле.

— Я бы не исключал и такую возможность, — промолвил он наконец, — если бы не характер самого графа де Монталамбера. В своем ремесле он профессионал. — И генерал тонко улыбнулся.

— Поясните, пожалуйста, — тихо попросила Амалия.

— С удовольствием. Быть шантажистом, дорогая баронесса, не так-то легко, как представляется. Если он перегнет палку и запросит слишком много, если допустит ошибку и нарвется не на того человека, у которого можно безнаказанно вымогать деньги, если, наконец, пойдет на поводу у своей жадности и попытается смонетничать, — к примеру, так, как вы это только что

описывали, — дни шантажиста будут сочтены. Что же до господина графа, то своим ремеслом он занимается около двадцати лет. Выводы делайте сами.

— То есть мы можем не опасаться сюрпризов с его стороны? — спросила Амалия.

Генерал потер верхнюю губу.

— Насколько я знаю графа де Монталамбера — нет. Это очень светский, воспитанный, уравновешенный господин. Мы с вами считаем его шантажистом, но, когда вы его увидите, вы сами поймете, что к нему это определение подходит с трудом. Он скорее... — Багратионов шевельнул пальцами, — торговец, и к своему делу он подходит именно так. У него есть товар, без которого вы не можете обойтись, а у вас — деньги, без которых не может обойтись он. Конечно, вам придется заплатить за свое спокойствие, но как только это произошло, вы можете быть уверены, что ваша тайна так и останется вашей и никто в целом свете не узнает о ней. Вы, наверное, будете удивлены, но большинство людей, с которыми граф имел дело, остались с ним в наилучших отношениях, по крайней мере, внешне. Согласитесь, это о многом говорит.

Амалия улыбнулась.

— Когда речь идет о внешнем, это может ни о чем не говорить, — парировала она.

Петр Петрович внимательно поглядел на нее.

«Да, она и впрямь очень умна. Ну что ж... Это упрощает дело». Потому что сам Багратионов относился к тем умным людям, которые на дух не переносят глушцов.

— Так или иначе, решение уже принято, и принято оно не мной, — сказал он. — Следует выкупить письма у Монталамбера, и выкупить их за ту цену, которую он назначил. — Багратионов поморщился. — Конечно, это несусветные деньги, но ведь и письма тоже не простые,